

ТЕНЬ

— Сон мне нехороший приснился, — нашелся наконец что ответить Степа.

— Это не сон был, — Фомич вдруг стал совсем серьезным. — Это ты умер и в ад попал. Сутки там провел.

— Мне казалось, что дольше... — Степа почесал голову. Он никогда не был особенно религиозным, но примерно концепцию ада и рая себе представлял хорошо. — Но если я в аду был, то почему мы с тобой сейчас разговариваем? Оттуда ведь не возвращаются. Или это тоже ад?

— Не ад. Ад ты ни с чем не перепутаешь, — хмуро ответил Фомич, и по его ответу Степа понял, что тот почему-то знает, о чем говорит, и что он когда-то тоже бывал... там.

Фомич повернулся к Степе спиной, и он увидел старый автомат ППШ с круглым дисковым магазином-бубном, болтавшийся у него на длинном ремне через спину. Мужик как будто сошел с открытки к Девятому мая, ему не хватало только запеть низким красивым баритоном что-нибудь типа «этот день мы приближали, как могли». Степа хотел что-то сказать, но Фомич перебил его.

— Неча время терять. Идем. Ждут тебя уже.

Степа не понимал, куда идти, и не мог представить себе, кто мог бы его ждать, но сказанные уверенным голосом слова приказа возымели должное действие. За последние семнадцать лет Степа привык, что приказы надо выполнять, несмотря ни на что, и он молча пошел за Фомичом. Через несколько шагов Степа понял: то, что он принял за дальнюю стену колодца, было лишь густой тенью. Они шли по узкому коридору, и скоро бетон под ногами сменился гулкой брусчаткой. Еще пара метров и... Степа обернулся, чтобы проверить, не показалось ли ему, но нет: за его спиной ничего не было, только парк. Они вышли, словно из воздуха, и очутились на гравиевой дорожке большого ухоженного парка. Степа остановился. «Этой чертовщине должно быть какое-то объяснение, — думал он в панике. — Сначала в меня стреляли, потом я где-то был, ну или мне привиделось, что я где-то был, а теперь меня куда-то ведет ветеран

ИВАН ФИЛИППОВ

Великой Отечественной, который выгладит на шестьдесят, хотя ему должно быть минимум девяносто четыре». Фомич поманил Степу за собой.

— Не останавливайся. Ждут нас. И по сторонам неча глазеть, еще насмотришься.

Степа решил отложить размышления и двинулся за Фомичом. Они прошли пару метров по дорожке парка и вышли на мощеную дорогу. Степе казалось, что он узнает это место. Вот пригорок, на котором должна стоять уродливая стела, вот тут будут трамвайные пути, а справа должна изгибаться Яуза, опутанная мостами и эстакадами Третьего кольца. Но ничего этого не было. Да, Яуза все еще изгибалась, но пригорок был девственно чист. Там, где должен был стоять странный монумент, лишь шеле-стела трава. Степа испуганно оглянулся по сторонам и оторопел.

Вокруг него, возле выхода из парка, стояли в ряд дома. Тут были и бревенчатые избы, и высокие резные терема, и основательные купеческие каменные палаты, и даже изящные дворцы. Все они теснились вдоль широкой мощеной улицы. Многие из них не заканчивались крышей, но устремлялись куда-то вверх как причудливые архитектурные сталактиты. Чем выше уходили стены таких домов, тем больше они менялись. Изба превращалась в дощатый дом, затем в кирпичный особняк, чьи клетчатые стены терялись наверху в облаках. Колоннады дворцов тянулись на сотни метров, создавая ощущение... корней. Корни, вдруг подумал Степа. Не мертвые сталактиты, а живые корни... Он поднял взгляд и всмотрелся в облака.

Степа напрасно искал на «небе» солнце, пока не понял, что его просто нет. Его не закрывают тучи, это небо было полностью лишено единого источника света. Оно само по себе светилось и мерцало разными огнями, от ярко-красного до приглушенно-фиолетового. Небо опутывали километры странных нитей — электрических и голубых, сверкающих и тихо потрескивающих. Изредка по всему небу

ТЕНЬ

пробежали всполохи, и Степа отчетливо слышал стук железнодорожных колес.

Степа перевел взгляд на Язу. За рекой громоздился причудливый город. Он состоял из странных домов, уходящих ввысь, но он видел невысокие здания с почерневшими верхними этажами или отдельно стоящие терема, соборы и дворцы. Иногда же между домами тянулись пустыри, над которыми высоко в небе нависали их разломанные останки: как будто кто-то лопатой или топором перерубил корень, и один съезжился и умер в темноте, а второй застыл над ним мертвым напоминанием. Вдалеке, где-то в районе Лубянки, мутно светилось красное зарево, а за ним... Степа был уверен, что он едва может различить кремлевские башни, но даже если это и были они, их заслоняло монументальное здание собора. Он был так огромен, что как будто бы заполнял собой горизонт. Степа поначалу решил, что он видит тот самый нарядно-расписной собор, который стоит на Красной площади и чье название он никогда не мог запомнить. Только тот храм был маленький и цветной, будто пряничный, и лишь отдаленно походил на эту серую громаду.

Степа раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но Фомич грубо дернул его за рукав.

— Да хватит ужо ворон считать, сказал же тебе — потом насмотришься. Иди! И не останавливайся больше, а то я тебя волоком потащу.

Фомич обернулся и деловито двинулся вперед через улицу в сторону луга. Степа медленно пошел за ним.

У края дороги они остановились, пропуская красивую черную карету с позолоченными вензелями. Карету неспешно тащила очевидно мертвая лошадь. У Степы в этом не было никаких сомнений, сквозь дыру в лошади он видел другую сторону улицы. На козлах сидел молодой человек в щегольской шляпе. При виде Степы и Фомича он вежливо приподнялся, обнажая часть головы, которая еще оставалась на его плечах. На опытный Степин глаз, в молодого человека кто-то стрелял из двустволки, причем из

ИВАН ФИЛИПPOB

обоих стволов разом. Карета проехала, и Степа вместе с ворчливым спутником продолжили свой путь. За их спинами в противоположную сторону быстро проехал маленький автомобильчик с преобольшущими колесами и скрылся за высокими домами.

Степа послушно семенил за Фомичом через небольшой луг на пригорке. Он понял, что они идут в сторону реки и перекинутого через нее элегантногo каменного пешеходного мостика. Степе нравилось идти через луг, ему нравилось дышать запахом травы... И вдруг он остановился как вкопанный. Он не чувствовал никакого запаха, но это было наименьшей из проблем. Степа внезапно понял, что с момента своего недавнего пробуждения он не дышит. Ну, то есть он делает механические вдох и выдох, но исключительно на автомате... его легкие не наполняются воздухом... Степа в панике пощупал себя за руки. Потрогал сначала правую, потом левую, потом схватился рукой за сердце — ничего.

Фомич оглянулся на согнувшегося в приступе страшного кашля Степу, и в глазах его проскользнула жалость.

— Ну вот. Я все думал, когда ты спохватишься. Не волнуйся, мусор, ты просто умер. Сдох то есть. И дышать тебе больше не требуется.

Степа упал на колени. Он смотрел на Фомича непонимающим и жалобным взглядом. Фомич опустилсЯ на корточки рядом со Степой и неожиданно ласково, почти потечески приобнял его за плечи.

— Так со всеми бывает, кто к нам попадает. Ты вроде бы говоришь и ходишь, но не дышишь. Мозг к этому не сразу привыкает, он пытается тебя убедить, что этого не может быть, что ты сейчас умрешь, но ты не волнуйся. Ты уже умер, и тебе нечего волноваться.

Степа закашлялся еще сильнее, и Фомич снова рассердился.

— Ты это прекращай. Мертвым кашель не требуется, это у тебя «фантомное», — Фомич сплюнул, как будто сложное

ТЕНЬ

заморское слово оставило у него во рту неприятный привкус. — Пройдет скоро. Знаешь, когда людям руки там отрезают или ноги... у них потом еще отрезанные конечности болят. Фантомные боли называются, мне профессор объяснял. Вот и у тебя так. Ты не дышишь, стало быть, и кашлять не можешь, но твой мозг тебя убеждает в обратном. Ты его не слушай, много он понимает. Ты умер. И как по мне, так это твое главное в жизни достижение.

Степа поднялся с земли и уставился на Фомича. Но, видимо пристыдившись своей минутной слабости, Фомич резко встал и тотчас отвернулся, но не настолько быстро, чтобы Степа не успел заметить маленькое аккуратное отверстие в основании его черепа. Степа таких отверстий по работе повидал много и отлично понимал, что именно его оставило. Фомич решительно двинулся вперед.

— С тобой уже все случилось, так что можешь больше не думать. Все. Слышал, как боговерующие на похоронах поют: «Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание?» Вот ты как раз сейчас там. Ни боли, ни страха, ни любви, ни жалости мертвым не требуется, а ты мертвый, привыкай.

Они спускались к Язуе. Фомича явно утомил произнесенный монолог, поэтому они шли дальше молча. Степа же понял, что с ним происходит что-то странное и необъяснимое. В то, что он «умер», конечно, не верил, но, поскольку других объяснений происходящему пока не находилось, решил подождать с расспросами. Рано или поздно он увидит подсказку, схватится за нее, распутает эту странную историю и найдет всему рациональное объяснение. Пока же он решил действовать привычным для себя образом: жить как пассажир автобуса, дело которого сидеть и смотреть в окно, а уж водитель как-нибудь разберется, куда именно его привезти.

Они перешли через Язуу. У парапета набережной нервно прохаживалась изящная барышня в белом подвенечном платье, которое совсем не украшали шесть ножевых ране-

ИВАН ФИЛИППОВ

ний. Увидев Фомича со Степой, барышня заметалась, а потом убежала. Фомич покачал головой.

— Говорят, уже двести лет тут мечется, все никак в себя прийти не может.

Степа проводил барышню взглядом, и они двинулись дальше в путь. Оказавшись в городе, Фомич пошел быстрее. Степа послушно следовал за ним, изредка замирая, глядя на причудливые дома или на встречавшихся им все чаще покойников. Если про себя Степа пока не понял, что к чему, то с прохожими все было довольно очевидно.

Почти на всех встреченных им людях были заметны следы насильственной смерти: пулевые и ножевые ранения, следы удушья или огня. Жители этой странной Москвы были каждый из какой-то своей эпохи: от одетых в шкуры угрюмых мужчин до красноармейцев, щеголей XIX века, панков с цветными ирокезами из девяностых и скучных старичков в чиновничьих костюмах неопределяемой эпохи — бессмысленные мелкие бюрократы всегда выглядели более-менее одинаково. Степа вертел головой и поминутно останавливался, вызывая явное раздражение Фомича.

Зайдя за угол, они столкнулись со слоном. Слон, почему-то без бивней, величественно и неторопливо шел в сторону реки, не вызывая ни у кого, кроме Степы, никакого удивления. Он повернул к нему большую голову с морщинистыми ушами, смерил покойного полицейского грустным взглядом и пошел дальше.

— Это что? — спросил оторопевший Степа.

— Слон это! Слон! Ты слона не видел, что ли, никогда?

Фомич явно не был расположен отвечать больше ни на какие вопросы, и Степа решил не настаивать, но на всякий случай запомнил себе слона на будущее.

Они шли, проходя через площади и сворачивая в узкие переулки, и было непонятно, где же именно они идут. Причудливая архитектура каждого места лишь изредка подбрасывала Степе какие-то подсказки: вот дом, который он

ИВАН ФИЛИПОВ

помнил — значит, где-то в районе Таганки. Но это один дом, а все остальные откуда?

Фомич еще раз свернул за угол и вышел на широкую улицу. Быстрыми шагами Степа догнал его. Старик стоял перед высоким теремом. Степа тоже остановился и замер. Никогда, даже в детстве на картинках из русских сказок, он не встречал ничего подобного. Резной терем нависал над ним своей громадой. Складывалось ощущение, что если поначалу зодчий еще как-то держал себя в руках и строил классический княжеский терем, то потом что-то пошло не так и он решил «гулять, так на все». На фасаде терема были видны бесчисленные «красные» окна, высокие и вытянутые, с цветистыми витражами. Каждый следующий этаж был выкрашен в новый яркий цвет и богато оформлен балкончиками и прочими излишествами. По бокам к небу возносились тонкие башни-смотрильни всех цветов радуги, украшенные со всех сторон.

На первом этаже виднелась крошечная дверка, забранная тяжелой чугунной решеткой. Очевидно, она предназначалась для каких-то хозяйственных нужд. Вход же в терем начинался длинной лестницей, ведущей на высокое крыльцо. Перед лестницей замерли двое сурового вида мужиков в красных кафтанах стрельцов. Бердышами они закрывали вход.

Фомич остановился перед стрельцами и почтительно снял форменную ушанку. Степа замер рядом.

— Вот, привел. Как приказано. К царевне привел новенького.

Стрельцы молча расступились, поднимая тяжелые бердыши. Степа вслед за Фомичом начал подниматься по лестнице к крыльцу.